

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. IX

СТРАНЫ И НАРОДЫ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

М. Б. Рабинович

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ И АКТИВИЗАЦИЯ БРИТАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

На рубеже двух столетий на юге Африканского материка началась борьба огромной Британской империи против двух маленьких бурских республик. Трагическая цепь событий, приведших к кровавой развязке, включает и долголетнюю борьбу буров за свое национальное самоопределение, и британскую политику окружения бурских республик, и историю развития англо-германских противоречий, и многое другое.

В предысторию англо-бурской войны входят также возникновение и рост на южноафриканской территории (после открытия алмазных и золотых месторождений) сильных капиталистических монополий, которые толкали правительство Великобритании на политические авантюры и неумолимо приближали момент столкновения. В настоящей статье внимание фиксируется именно на этом вопросе, без которого немислимо понять причины кровавой схватки в Южной Африке, названной В. И. Лениным (наряду с испано-американской) первой империалистической войной.

Ко второй половине XIX в. хозяйственный строй Южной Африки, казалось, установился надолго. Ничто не предвещало больших перемен.

Скотоводство было основным занятием южноафриканских колонистов. Климат, неблагоприятный для полеводства, огромные, очищенные от коренного населения земельные пространства, возможность быстрого увеличения стада за счет прямого ограбления туземцев — все это создало благоприятные условия для животноводческого хозяйства, притом крупного. Эти же причины определили и экстенсивный характер южноафриканского скотоводства.

Земледелие играло сугубо вспомогательную роль. Климатические условия, отсутствие средств у первых эмигрантов, узкий внутренний рынок (солдаты, колониальная администрация, ремесленники и нищие негры), бездорожье — все это препятствовало развитию крупного товарного земледелия.

Юг «черного континента» словно был осужден на прозябание. К тому же с предстоящим открытием Суэцкого канала путь в Индию должен был пройти в стороне от мыса Доброй Надежды, и Кейптауну, а с ним всему хинтерланду грозило превращение в отдаленную, захолуст-

ную окраину Британской империи. И в это время неожиданно произошло то, что многие впоследствии называли вторичным открытием Южной Африки для европейцев. Это — находка алмазов в Западном Грикваленде и немного позднее — золота в Трансваале.

Жарким летом 1867 г. внимание странствующего торговца привлекло несколько блестящих камешков, которыми играл ребенок бурского фермера. Он нашел их, бродя со стадом овец и быков в районе фермы Поля Дютуа. Один из камней оказался великолепным алмазом более чем в 21 карат. Его продали за 500 ф. ст. Вскоре нашли еще несколько уникальных камней, в том числе и знаменитый бриллиант «Солнце Южной Африки».

«Это то основание, на котором будет воздвигнуто будущее Южной Африки», — сказал один из английских государственных деятелей при виде первого камня, привезенного в Кейптаун.

Начались лихорадочные поиски алмазов. Фермеры из соседних, а затем из более отдаленных районов хлынули на север, в Грикваленд, не смущаясь трудностями и длительностью пути. Жажда наживы поборола все.

Одним из первых тронулся из Наталя отряд под командой капитана Ролльстона. Это было в начале 1870 г. С отрядом шел и Герберт Родс, старший брат будущего алмазного короля. За легким богатством двинулись не только англичане (их было, конечно, большинство). Алмазная лихорадка охватила представителей самых различных национальностей: немцев, голландцев, русских, евреев, португальцев, бельгийцев. Сравнительно немного было французов: помешали франко-прусская война [16, стр. 41—42]¹ и последовавшие за ней события. Позднее французские финансисты были поглощены займовыми операциями в связи с наложенной на страну контрибуцией, а промышленники — от крупных до мелких — восстановлением послевоенных разрушений.

Очень скоро стало ясно, что находка камней не случайность, что алмазносная почва сулит огромные перспективы. Алмазы содержала не только земля фермы Дютуа, они оказались и на ферме Де Беерс и на других участках. Одним из богатейших явилось место, где впоследствии была сооружена шахта Кимберли².

Быстро возросла стоимость земли в этих районах. Если прежде земля шла по 3—6 пенсов за акр (причем было мало надежды, что покупатель найдется), то к началу 1871 г. лучшие участки стоили уже до 4 тыс. ф. ст. И это не было пределом. Спекуляция земельными участками возрастала пропорционально добыче алмазов.

Появились бесчисленные мелкие шахты. Вокруг месторождений выросли населенные пункты — в будущем г. Кимберли.

Небольшая территория в Западном Грикваленде неожиданно получила колоссальную ценность.

Раньше никто не оспаривал принадлежность этих земель к Оранжевой Республике. Теперь же Британия предъявила свои права. Из сейфов британского министерства колоний были извлечены на свет божий и предъявлены «неоспоримые права» на эту территорию африканского вождя Уотербура, который заявил при этом, что он находится под анг-

¹ Нельзя, конечно, согласиться с автором, полностью отрицающим какое бы то ни было участие французов и французских капиталов в алмазной промышленности Южной Африки.

² С 1872 г. до этого времени место называлось Vooruitzigt, но лорд Кимберли объявил это название неудобным для произношения и в течение некоторого времени участок называли New Rush. Потом снова, и на этот раз окончательно, переименовали в честь бывшего министра колоний в Кимберли.

лийским протекторатом. Бурские колонисты тоже нашли своих туземных статистов. Президент Трансвааля Преториус заявил протест, ссылаясь на то, что алмазоносная территория принадлежала «кафрским вождям», владения которых были включены в пределы Южно-Африканской Республики [7, стр. 22; 13, стр. 119—122]³. Президент Оранжевой Республики также отстаивал свои права. По настоянию британского правительства вопрос был передан на третейское разбирательство. Арбитр — губернатор Наталя Кит, понятно, решил дело в пользу Уотербура, иными словами, в пользу Англии. В октябре 1871 г. губернатор Капской колонии сэр Генри Беркли официально объявил об аннексии «бриллиантовых полей». Протесты Трансвааля ни к чему не привели. В 1876 г. после шестилетней волокиты Оранжевая Республика получила денежную компенсацию в 90 тыс. ф. ст., т. е. в размере недельной стоимости добычи алмазов. Таким образом, Англия сделалась владельницей крупнейших в мире алмазных месторождений.

Открытые в самом конце 60-х годов XIX в. и начавшие эксплуатироваться еще позднее «алмазные поля» проделали за какие-нибудь 15 лет всю эволюцию капитализма — от свободной конкуренции многочисленных предпринимателей до монополии, до финансового капитала. На небольшом клочке южноафриканской земли как в зеркале отразились все этапы капиталистического развития, притом в чрезвычайно чистом, почти классическом виде. Неизбежная при капитализме «неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран» [1, стр. 359] проявилась и здесь. Концентрация алмазной промышленности, возникшей позже, чем другие отрасли английской индустрии, закончилась в наикратчайший срок образованием одной из наиболее ранних и прочных монополий не только среди британских, но и мировых. Монополизация алмазной промышленности сказалась и на возникшей позднее южноафриканской золотопромышленности, а следовательно, и на всей тесно связанной с этим золотом истории Южной Африки, на всех событиях вплоть до 1899 г., когда раздалась выстрелы, возвестившие начало одной из первых схваток за передел мира — англо-бурской войны.

История монополизации добычи алмазов в районе Кимберли неотделима от биографии крупнейшего британского империалиста и колонизатора Сесилия Родса, и поэтому нельзя, говоря об алмазах, не писать о Родсе.

Сесиль Родс — капский Наполеон, Колосс Родосский, африканский Клайв, созидатель империи, новый Кортес и Писарро — как только ни называли, с кем только ни сравнивали эту действительно колоритную среди английских империалистов фигуру. «Мы живем еще в веке, когда возможны герои. Один из наиболее славных героев живет среди нас. Наши внуки с завистью будут говорить про вас: как они счастливы; они были современниками великого Сесилия Родса!» [2, 1899, № 10, стр. 79].

20 лет спустя не менее восторженный отзыв оставил об этом сыне пуританского пастора, которого «только географические карты могли приводить в своего рода поэтический экстаз», прагматист Освальд Шпенглер. Он писал со свойственным для него смещением прошедших и сочинением новых, надуманных эпох, что «Родс — это первый пред-

³ Президент Трансвааля Крюгер, отстаивая трансваальские «права», забывает, что речь, собственно говоря, идет о территории, не принадлежащей ни бурам, ни англичанам, и что вопрос касается лишь первенства захвата.

шественник типа западного Цезаря», стоящий где-то «посредине между Наполеоном и людьми насилия ближайшего столетия, подобно тому, как между Александром и Цезарем стоял... Фламиний» [5, стр. 36—38]. Г. Ферреро, Э. Майер также сравнивали Родса с Юлнем Цезарем.

Но нельзя ограничиться отзывами лиц, разделявших взгляды Родса и содействовавших проведению их в жизнь, или кликами джингоистской толпы, обманутой и увлеченной империалистическими призывами. Не должны мешать нашему пониманию облика Родса его действительно огромные способности, таланты, энергия, ум и смелость. Он выделяется из толпы биржевых спекулянтов, к которым сам принадлежал, промышленников, крупнейшим представителем которых он являлся, колониальных политиков, далеко уступавших ему в размахе, последовательности, с какими он проводил свои взгляды.

Родс всегда говорил, что кроме стремления к вящей славе Англии (о чем не без доли истины пишут его биографы) им двигали еще и другие причины — решение социального вопроса: захват колоний, создание гигантской империи, поглощающей избыточное население британских островов, постепенное подчинение всего мира сначала экономическому, а затем и политическому главенству англичан, этой, по его выражению, «первой расы» на земле. А поскольку англичане — лучшие люди на земле, то, делает своеобразный вывод Родс, чем большую часть земного шара будут они заселять, тем будет лучше для человечества. «Я буду работать для того, — говорил сам Родс, — чтобы способствовать Британской империи подчинить английскому правительству весь нецивилизованный мир и воссоединить Англию и Соединенные Штаты, чтобы слить англосаксонскую расу в одну империю» [7, стр. 51].

Эта империалистическая идея находила настойчивое отражение в многочисленных завещаниях Родса, которые сделались формой изложения его колонизаторских планов. Уже в первом своем завещании (1877 г.) он оставил поистине незабываемые строки, продиктованные стремлением к империалистическим захватам, к безграничному расширению («расширение — это все!»), соединенному с пылким темпераментом. Деньги и энергия, писал Родс, «должны быть направлены... для основания, развития и движения секретного общества, истинным намерением и целью которого должно быть распространение британского владычества в мире, усовершенствование системы эмиграции из Соединенного Королевства и колонизация британскими подданными всех стран, где средства существования благоприятны для их энергии, труда и предприимчивости, а особенно для занятия британскими поселенцами». И далее следует детальное перечисление будущих районов английской колонизации. Это внутренний континент Африки, Палестина, долина Евфрата, острова Кипр и Крит, вся Южная Америка, все острова Тихого океана («не занятые еще Великобританией», оговаривается Родс), а также Малайский архипелаг и береговые полосы Китая и Японии. В конечном счете и Соединенные Штаты Америки должны стать составной частью Британской империи, которая, следовательно, превратится в такую могущественную державу, «которая сделает в дальнейшем войны невозможными и будет способствовать развитию лучших интересов человечества» [17, стр. 68—69].

Любопытно заметить, что эта программа, вышедшая из-под пера «империалиста-романтика», явилась путеводной звездой для английских реальных политиков (к которым, кстати сказать, несмотря на свой романтизм, принадлежал и Родс), чем-то вроде английского «плана Танака». Уже через год был захвачен о-в Кипр, позднее Британия делала и другие захваты (долину Евфрата, Палестину и т. д.). Но слишком гроз-

ными были препятствия на этом пути, поэтому значительная доля «родсовского плана» осталась на бумаге и лишь в виде недостижимой мечты тревожила английских правителей как до, так, тем более, после войны 1914—1918 гг.

Осуществление своих планов Родс считал наилучшим путем разрешения социального вопроса и спасения 40 млн. англичан при помощи порабощения и истребления миллионов представителей других народов. В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» отметил эту черту родсовского империализма. Ленин напомнил разговор Родса с журналистом Стэдом, которому Родс сказал: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» [1, стр. 376]. Такова циничная в своей откровенности защита империализма Родсом.

Но вернемся к тому времени, когда Сесиль Родс 17-летним юношей прибыл в Африку. Он высадился 1 сентября 1870 г. в порту Дурбан, где жил его старший брат Герберт. Состояние здоровья заставило Родса переменить английский климат на сухой, целительный, южноафриканский. Полезным оказалось длительное морское путешествие, а сельские работы на свежем воздухе окончательно укрепили его организм. Вскоре Сесиль Родс остался один. Его брат, увлеченный общим потоком, отправился за алмазами. Весь Наталь умчался на запад за драгоценными камнями, а Сесиль Родс продолжал заниматься сельским хозяйством. Он пытался выращивать хлопок, входил в детали хлопководства, хозяйства зулусов, севооборота, цен на рынке; он покупал небольшие участки земли в выгодных местах. Уже с первых шагов юноши Родса виден будущий делец, умеющий смотреть далеко вперед. Любопытно отметить, что Родс давал деньги африканцам взаймы, когда тем требовалось платить за аренду. Им руководил не альтруизм. «Если дать им деньги, — говорил Родс, — то они придут и отработают... Кафры более безопасны, чем Английский банк» [7, стр. 41]⁴.

Спустя несколько месяцев, собрав урожай хлопка, Сесиль Родс отправился к брату. Его запряженная быками повозка медленно двигалась на северо-запад через Колензо, Драконовые горы, Гаррисмит и Блумфонтейн, пока наконец (на исходе ноября 1871 г.) он не добрался до алмазных полей.

Герберт Родс купил небольшой участок в районе Кимберлийской шахты. Будучи по натуре скитальцем, он передал участок младшему брату, а сам отправился в глубь Африки, на север, в поисках золота и новых впечатлений⁵. Молодой Сесиль Родс снова остался один. Он работал на участке брата и присматривался к окружающей обстановке. Иногда отлучался в более или менее далекие поездки. Во время этих странствий Родс поближе познакомился с той огромной территорией,

⁴ В этом корни того «хорошего отношения» Родса к туземцам, о котором пишут его многочисленные биографы-апологеты.

⁵ Он умер в 1879 г. во время одного из своих странствований.

которая лежала в глубине «черного материка» и которой суждено было сделаться полем его деятельности. В середине 1872 г. Сесиль Родс покупает у брата участок, ставший вскоре исходной точкой его богатства и карьеры.

Добыча алмазов переживала тогда свою начальную стадию. Тысячи «диких» искателей, стремясь обогатиться, бессистемно рылись в «голубой глине». Больше одного участка размером около 100 кв. м иметь не разрешалось. В действительности участки были еще меньше: надо было оставлять полосу земли для прохода. Часто они дробились на половины, четверти, восьмые и даже на шестнадцатые величиною не более 4 кв. м. Только одна кимберлийская копь — наиболее богатая и тщательно разрабатывавшаяся — имела 1600 владельцев [3, стр. 199]. Родс как-то в письме к матери сравнил изрытую поверхность алмазных полей с сыром. Чем дальше тысячи мелких владельцев врезались в глубь почвы, тем труднее становилось не затрагивать собственности соседа. Такое дробление не могло долго продолжаться. По мере углубления работ дороги между участками превратились в узкие высокие и опасные стены. Обвалы стали частым явлением. Это иногда заставляло владельцев участков объединяться. Кризис 1873 г. (вернее, депрессия, которая последовала за ней) сказался на сбыте, а следовательно, и добыче алмазов и ускорил процесс укрупнения участков. В июле 1874 г. разрешили одному лицу владеть десятью участками. Еще через два года, 25 ноября 1875 г., были отменены всякие ограничения и открылось свободное поле для самых различных комбинаций.

Родс, деливший время между Южной Африкой и Оксфордским университетом, незадолго до этого организовал свою первую компанию. В разгар кризиса 1873 г. он соединяет свой участок с участком Чарлза Радда, потом компаньоны прикупают кусок Роберта Грахама, а также участки некоторых других алмазоискателей. Так в 1874 г. возникла компания, названная Родс, Радд и Андерсон. Подобных объединений было много; все они были слабы в финансовом отношении.

Сам Родс пользовался малейшей возможностью для увеличения своего капитала. Он покупал небольшие участки или арендовал их на условии предоставления половины добычи алмазов их владельцам. Из Оксфорда он писал своему поверенному письма, в которых просил купить те фермы, где есть каменный уголь. Он сам скупал железнодорожные акции. Запасясь несколькими старыми помпами и прикупив потом новые, Родс заключал выгодные договоры на откачку воды из шахт. Так шли месяцы и годы, заполненные то лихорадочной деятельностью в Южной Африке, то лекциями и экзаменами в Оксфордском университете.

В 1880 г. пришел первый крупный успех. Постепенно накапливая силы, Родс к этому времени добился слияния своих участков с долями Радда, Грахама, Стоу, Комптона и Инглиша. Это были все владельцы участков в месторождениях, расположенных на территории бывшей фермы Де Беерс, сохранившей это голландское название. Компаньоны поставили себе целью объединить в своих руках все участки этого богатого месторождения, для чего 1 апреля 1880 г. была основана «Компания Де Беерс» (De Beers Mining Company) с капиталом в 200 тыс. ф. ст. Обязанности учредителей были строго определены. Они должны были, пользуясь всяким случаем, экономя каждый пенни, скупать участки или пай в участках в первую очередь на территории Де Беерс.

Обвалы породы как следствие беспорядочной, хаотической добычи алмазов продолжались. Так, в 1878 г. почти 1/4 поверхности Кимберлийской шахты была покрыта провалившимися участками. Тогда началась

подземная эксплуатация при помощи колодцев, вырытых в обвалах на дне рудников. Но, так как некоторые владельцы продолжали еще рыть под открытым небом, скоро произошел общий обвал и в 1883—1884 гг. из 350—400 хороших кимберлийских участков могло разрабатываться не более 50. В начале 1885 г. в Де Беерс тоже произошли огромные обвалы, что возбудило беспокойство среди лиц, поддерживавших «Компанию Де Беерс».

Хотя вскоре открытая эксплуатация была вовсе оставлена, подземные работы на разделенных участках приводили к росту издержек производства и к беспрестанным недоразумениям. В коях Кимберли и Де Беерса вырыли шахт в два раза больше, чем надо, подземные галереи различных компаний перепутывались, пересекались, и часто все заканчивалось обвалом. Это толкало на укрупнение компаний, уменьшение числа владений. Свою роль сыграли не только технические затруднения, но и вопрос сбыта алмазов. Рост добычи камней, несмотря на обвалы, приводил к падению стоимости алмазов и кризису сбыта. Последний еще не наступил, но угроза перепроизводства становилась все более реальной. И хотя Родс шуточно заметил, что «никто не знает женщины, которая сказала бы, что ей довольно алмазов» [17, стр. 179], казалось, что рынок близок к насыщению. Банки, финансировавшие держателей участков, настаивали на объединении мелких в крупные. А по мере укрупнений компаний еще больше росла добыча алмазов, еще ожесточенней становилась борьба конкурирующих групп.

К 1885 г. концентрация владений стала довольно значительной. Об этом свидетельствуют данные таблицы.

Т а б л и ц а
Количество алмазоносных участков в 70 — 80-х годах
по четырем основным шахтам*

	Количество владений (прежнее)	К 1885 г.	
		акционер-ных компаний	частных компаний
„Кимберли“	470	11	—
„Де Беерс“	622	7	2
„Булфонтейн“	1067	8	24
„Дюгуа“	1441	16	21
Всего	3600	42	47

* Источник: [7, гл. V; 3, стр. 200].

Эта концентрация явилась только первым этапом. Почти сотня собственников продолжала конкурировать и хаотически разрабатывать свои участки, заполняя рынок южноафриканскими алмазами. Угроза насыщения рынка (при интенсивной добыче это могла сделать одна шахта) толкала на дальнейшую концентрацию владений.

В 1885 г. в руках Родса и его компании была вся территория Де Беерс. Капитал компании вырос до 841 тыс. ф. ст. Это была победа, но не окончательная. Впереди предстояла упорная борьба.

Родс добивался сосредоточения наибольшего количества акций «Компании Де Беерс» в своих руках. С помощью финансиста Альфреда Бейта⁶ он добился этого. Они тайно скупали акции других компаний.

⁶ Альфред Бейт прибыл в Южную Африку в 1875 г. как агент по закупке для гамбургской фирмы «Липперт». Но вскоре он стал действовать самостоятельно и соста-

стремясь не возбудить подозрений. Например, они приобрели в Лондоне по наивыгоднейшей цене 6 тыс. акций «Виктория компани» и при соответствующих обстоятельствах неожиданно объявились как крупнейшие держатели акций этой компании. В 1887 г. «Компания Де Беерс» фактически находилась под контролем одного человека.

В те же годы, когда Родс объединял участки вокруг «Компании Де Беерс», аналогичный процесс проводился на Кимберлийской шахте «Компанией братьев Барнато» (Barnato Diamond Mining Company). Обе компании действовали до поры до времени рядом. Но раньше или позже должен был наступить конец этому мирному сосуществованию, и тогда Барнато и Родсу предстояло встретиться как основным соперникам. Этот момент наступил в 1887 г.

Сын мелкого лондонского лавочника Барнетт Исаакс, как и Сесиль Родс, юношей прибыл в Южную Африку по следам своего старшего брата. Он был не силен в грамоте (его образование закончилось на 14-м году жизни), но ловок, пронырлив, обладал незаурядной коммерческой смекалкой, энергией, стремлением к наживе и умением сходитьсь с людьми, иногда забавляя их, как делал это на подмостках и улицах лондонского Уайтчепеля. С прибытием в Африку все это осталось позади, он начинал жить по-новому. Первое, что он сделал, ступив на африканскую почву, — переименовал себя. Барнетт Исаакс превратился в Барнея Барнато. Вслед за ним это звучное имя принял и его брат. В самый год прибытия (1873) новоиспеченный Барней Барнато начинает свою деятельность. Соединенный капитал «фирмы» Коэн и Барнато состоял из 30 ф. ст. и четырех ящиков скверных сигар. Но Барнато обнаружил инстинкт дельца, и через три года, в 1876 г., у братьев было уже 3 тыс. ф. ст., которые они поместили в кимберлийские разработки. Вскоре их участки стали приносить до 1800 ф. ст. прибыли в неделю. Барнато постепенно прикупал новые участки, заводил деловые связи.

В 1880 г. он съездил в Лондон и, добившись необходимой на первых порах финансовой поддержки, учредил ставшую вскоре известной «Компанию братьев Барнато» с капиталом в 115 тыс. ф. ст. В первые же годы эта компания стала приносить учредителям и акционерам до 36% дивиденда [15, гл. VIII].

Барнато скупал алмазные участки Кимберли, а также паи в различных компаниях и спустя несколько лет контролировал большую часть кимберлийских месторождений, точно так же как Родс — находящиеся в нескольких километрах разработки Де Беерс. Соперники стояли друг против друга. Началась и вскоре приняла ожесточенный характер борьба между Барнато и Родсом, между компаниями «Барнато» и «Де Беерс» за преобладающее влияние в алмазной промышленности. Силы противников были приблизительно равны.

Если в Барнато воплотился финансист, денежный магнат, стремящийся к наживе и не имеющий никаких интересов, кроме интереса «голового чистогана», то в Родсе слились две натуры — биржевого спекулянта и активного политика. Барнато заявлял позднее, что он приехал в Трансвааль только для того, «чтобы делать деньги. Право голоса стоило бы крови и денег и ни на грош не увеличило бы заработка» [15, стр. 165]. У Родса же была еще заветная цель — сделать Африку английской. «Это все должно принадлежать Британии», — повторял он, накладывая свою руку на карту «черного континента», от Каира до Кейптауна. Для этого, говорил Родс, необходимо сначала экономическое проникновение, а

впл. себе состояние. В дальнейшем он тесно был связан с Родсом, являясь его ближайшим другом и деловым помощником. Бейт обладал незаурядными финансовыми способностями.

оно — в силу ряда несчастливых обстоятельств, мешающих Англии сразу захватить Африку, — должно служить предтечей политического завоевания. Железные дороги, телеграфные линии, таможенные договоры и т. п. — вот первоначальные орудия британского проникновения. «Рельсы достигают дальше, чем пули, и стоят дешевле», — любил говорить Сесиль Родс.

Он попытался мирным путем договориться с Барнато, но тот не пошел на добровольное объединение, считая, что «Кимберли в три раза богаче Де Беерс» и успех останется за ним [12, стр. 226; 18, стр. 749]. Барней Барнато чувствовал свою силу. Но если Барнато был сильнее Родса в финансовом отношении, то зато Родс, соединяя в себе дельца и прожженного политика, умело пользовался своим положением и добивался в случае необходимости поддержки не только в Капской колонии, членом парламента которой он с 1881 г. являлся, но и в Лондоне. Кроме того, в биржевых делах у него был такой бесценный помощник, как Альфред Бейт.

Родс ловко воспользовался своим преимуществом. В Кимберли, почти целиком контролировавшемся Барнато, ряд крупных участков, проходивших с севера на юг, принадлежал «Французской компании» (*Compagnie Française*). Барнато не придавал большого значения этому обстоятельству. Родс же решил завладеть участками «Французской компании», чтобы пробраться внутрь неприятельского лагеря и стать совладельцем кимберлийских разработок. Но для этого нужны были средства значительно большие тех, которыми располагал Родс.

6 июля 1887 г. Сесиль Родс отправился в Англию искать финансовой поддержки. Еще до этого он переписывался с Ротшильдом и знал, что последний внимательно следит за добычей алмазов и заинтересован в ее консолидации. В Лондоне произошла личная встреча Родса и банкира. Ротшильду понравились планы его собеседника. «Он знал, чего хотел», — сказал потом Ротшильд [7, стр. 75]. Сесиль Родс понял, что если ему удастся добиться согласия на продажу участков «Французской компании», то контора Ротшильда субсидирует его необходимой суммой. На следующий день после беседы с Ротшильдом Родс отправился в Париж. Ему удалось договориться о покупке участков «Французской компании» (от поверхностных до самых глубоких, считавшихся тогда мало доходными) за 1400 тыс. ф. ст. Ротшильд немедленно перевел в распоряжение Родса аванс в 750 тыс. ф. ст.

Это был удар по Барнато [8; 15, стр. 158—159; 17, стр. 182—183]. Теперь Родс стал владеть значительной долей кимберлийских месторождений. Там же ряд участков принадлежал Бейту. Предстояла борьба в условиях уже невыгодных для Барнато.

Изо дня в день росла добыча алмазов. Во-первых, оттого что на большой глубине копь оказалась богаче, во-вторых, благодаря лучшей обработке породы — прямому следствию укрупнения компании (имея большие денежные средства, компания могла давать глине больше выветриваться). Но наряду с ростом добычи падали мировые цены на алмазы. За пять лет (с 1882 г.) цена на них упала на 30% [3, стр. 201; 12, стр. 225]. После того как начался поединок между Родсом и Барнато, все эти особенности проявились еще ярче. Обе борющиеся компании втайне скупали акции, искусственно повышали добычу, снижали цены, — словом, широко пользовались этим обычным, но обоюдоострым оружием⁷. В конечном счете после нескольких месяцев напряженной борь-

⁷ Между 1873 и 1880 гг. ежегодно добывалась от 1 млн. до 1,5 млн. каратов. в 1883 г. — добыто 2 319 234 карата, в 1886 г. — 3 047 640 каратов, и Родс грозил эту добычу удвоить [см.: 12, стр. 226; 18, стр. 748].

бы Родс (и стоявший за ним Ротшильд) вышел победителем. В один прекрасный день, когда Родс добыл у себя 12 тыс. каратов алмазов и убедил Барнато, что это не предел, последний сдался перед этой реальной угрозой переполнения рынка и неизбежного за этим катастрофического падения цен [7, стр. 75—76]. Так закончилась борьба, о которой лондонские биржевики много лет спустя рассказывали «с таким же упоением, с каким солдаты наполеоновской гвардии рассказывали своим внукам об Аустерлице, Иене и Ваграме» [4, стр. 267].

Обе компании слились. В марте 1888 г. была зарегистрирована Объединенная компания «Де Беерс» (De Beers Consolidated Mines Ltd). Актив старых компаний был перенесен в новую, консолидированную. Управление этой компанией было вверено пяти пожизненным директорам. Среди них были Родс, Барнато и Бейт.

После этого слияния приобретение остальных алмазных участков было более легкой задачей. В течение последовавших за объединением полутора лет «Де Беерс» удалось скупить все важнейшие участки. 31 марта 1891 г. административный совет компании объявил акционерам, что цель достигнута и четыре алмазные копи («Де Беерс», «Кимберли», «Дьюта» и «Булфонтейн») фактически подвластны «Де Беерс». Так, в руках одной частной компании сосредоточилась южноафриканская добыча алмазов⁸. В первый же год ее прибыль поднялась до 448 тыс. ф. ст. [15, стр. 159]. В 1890 г. собственность «Де Беерс» оценивалась в 14,5 млн. ф. ст. и она фактически монополизировала мировую добычу алмазов [14, стр. 116].

Производство было искусственно ограничено (его стоимость не должна была превышать 4 млн. ф. ст. в год), чтобы поддерживать мировые цены на алмазы на высоком уровне и обеспечить монополию максимальную прибыль [12, стр. 227; 17, стр. 275—276]⁹. Для этого ряд шахт был закрыт, число рабочих сокращено. Город Кимберли не только перестал расти, его население даже уменьшилось. Рабочие в большинстве своем были негры, частью из приговоренных за различные реальные и мнимые преступления, частью «свободные», жившие в так называемых «компаундах». Это были учрежденные по идее Родса¹⁰ общежития, обнесенные двойной оградой и проволокой, за которую рабочий не мог выйти в продолжение всего срока найма. В компаунде нет окон, а вместо крыши густая сетка, чтобы нельзя было выбросить похищенные алмазы. По этой же причине рабочий мог разговаривать со своими родными, знакомыми только через двойную решетку, которая позволяла ему видеть их, но не давала возможности дотрагиваться до собеседника [19, стр. 51]. Так Родс, политик, член парламента, оградил Родса, алмазного короля, от возможности воровства алмазов, от слишком высокой заработной платы и короткого рабочего дня. Не мудрено, что на сессии капского парламента Родс резко протестовал против «глупого предложения дать избирательное право туземцам» [17, стр. 214].

В то время когда шла борьба вокруг алмазных полей и обе стороны — Родс и Барнато — собирали силы для решительного поединка, произошло событие, сыгравшее огромную роль в будущем Южной Африки. Это — открытие золота в Трансваале.

Издавна было известно, что недра Южной Африки хранят всевоз-

⁸ Оставшиеся немногие независимые предприятия были впоследствии поглощены компанией «Де Беерс» или же были такими незначительными, что не интересовали ее.

⁹ Единственную опасность для монополии представляли отныне открытия новых месторождений, но это не угрожало в течение нескольких десятилетий.

¹⁰ Внесено Родсом на сессии парламента Капской колонии 8 июня 1886 г.

можные богатства, в частности драгоценные камни и металлы. Случайные находки золота в разных районах Южной Африки оживляли как древние легенды, так и новые надежды искателей, которые большей частью не оправдывались.

Но 80-е годы XIX в. изменили положение. Были открыты золотые жилы Шеба близ трансваальского городка Барбертона. Эти рудники начали разрабатываться с 1884 г. 15 шахтовладельцев образовали акционерное общество (Sheba Reef Mining Company) с капиталом в 15 тыс. ф. ст. Через несколько месяцев покупная стоимость рудников Шеба равнялась 1,5 млн. ф. ст. [15, стр. 168].

Район Барбертона привлек внимание многочисленных золотоискателей. На этот раз оживленная разведка не осталась безуспешной. Братья Томас открыли жилу, вскоре ставшую носить их имя, и продали ее за 60 тыс. ф. ст. Повезло, хотя и меньше, еще нескольким разведчикам золота. Все это оказалось только началом. Настоящее эльдорадо было открыто в центре Трансвааля, в районе Витватерсранд (Хребет белой воды). Скалистый гребень, вытянувшийся на 30 английских миль с востока на запад и поднимающийся на высоту 200—300 футов над бесконечным африканским «вельдом», — вот чем был знаменитый Ранд, безлюдный и пустынный еще летом 1886 г. «Бурский фермер, посылавший сюда негритянских мальчишек следить за стадом, бродящим по равнине и разыскивающим меж камней себе пищу, был бы рад, если бы ему удалось продать за сто фунтов землю, на которой сейчас стоит Иоганнесбург и под которой находятся богатейшие золотые рудники» [6, стр. 296].

Не будем касаться споров о том, кто первый нашел там золото — Фрэд Струбен или Джордж Уолкер. Важен факт, что к концу 1886 г. о нем уже знали и в район Ранда хлынули любители быстрой и легкой наживы. Их ждало разочарование. Добыча золота, залегавшего в твердых породах, требовала много сил и, главное, средств, которых у большинства золотоискателей не было. Кроме того, когда толпы золотоискателей прибыли сначала со всех концов Африки, а затем и из других стран, то они увидели, что почти все участки уже захвачены крупными капиталистами.

Среди последних бесспорно первое место заняли те, которых называли «людьми Кимберли». Это они, использовав все благоприятные условия (территориальную близость и наличие средств), прибыли прежде других в «золотой район» и скупили землю, содержащую в себе драгоценный металл¹¹. Знакомые нам по своей деятельности в связи с добычей алмазов лица прибыли в сопровождении экспертов в район Ранда. Одним из первых был, конечно, Сесиль Родс, который не мог упустить такой возможности увеличить свои капиталы. А возможности действительно открылись блестящие. Например, находившаяся рядом с будущим Иоганнесбургом ферма Доорнфонтейн, купленная за 250 ф. ст., вскоре оценивалась в 3 млн. ф. ст. Несколько позднее прибыл в Ранд и Барнато, уполномоченные которого ранее скупили там ряд участков. Барнато, предвидя рост Иоганнесбурга, скупал большие куски земли в центре будущего города одновременно с золотоносными участками. Вско-

¹¹ Конечно, надо решительно отбросить утверждение, что «люди Кимберли», прибыв в Ранд, купили земли, фактически не зная, чего они стоят, лишь по страсти к авантюрной жизни, к новому и т. п. [см.: 16, стр. 45—46]. Люди склада Барнато, Родса, Бейта никогда не делали ничего без достаточных на то данных, и они предварительно хорошо ознакомились с районом Ранда и его возможностями. Сам Мерме буквально через несколько строк [16, стр. 47] описывает, как «люди Кимберли» изучали недра, как они нанимали геологов, инженеров, зная, что эти предварительные затраты в конце концов окупаются.

ре Барнато основывает свое первое общество в Ранде (New Primrose Golding Company). Еще раньше Родс основал свою компанию (Goldfields of South Africa). Возникали и другие общества одно за другим, и вскоре их оказалось сотни.

Плохие пути сообщения (ближайшая железная дорога за сотни километров), трудности добычи, требовавшие сразу вложения значительных капиталов и делавшей, казалось, проблематичными предполагавшиеся немедленные огромные прибыли,—все это приводило многие слабейшие компании к краху, которым пользовались те общества, чьи финансовые возможности позволяли им дольше собирать силы и выжидать более благоприятного времени. Родс, Барнато, Экштейн, Бейт и др. скупали участки земель, акции компаний, находившихся на краю банкротства, основывали новые общества. К концу сентября 1889 г. Барнато основал шесть компаний, из которых пять были на пути к успеху. Родс также объединил несколько компаний (Consolidated Goldfields of South Africa). По их следам шли и другие крупные владельцы золотоносных участков. С каждым годом росли вкладываемые в золотопромышленность Ранда капиталы, главным образом английские. Все большее значение приобретало основанное на лондонской бирже отделение трансваальских бумаг (Kaffir Market) [15, стр. 160].

С 1887 г. началась регулярная добыча. В этом году 56 рудодробилками было переработано 25 тыс. т породы и добыто золота на 81 045 ф. ст., а через три года, в 1890 г., работало уже 1895 рудодробилок и было добыто золота больше чем на 2,5 млн. ф. ст. Добыча росла систематически, из года в год. Об этом свидетельствуют следующие цифры годовой добычи золота, начиная с 1887 г. (в унциях)¹² [9, № 2681, стр. 41]:

Год		Год	
1887	23 125	1892	1 210 868
1888	208 122	1893	1 478 473
1889	369 557	1894	2 024 159
1890	494 869	1895	2 277 635
1891	729 278		

Это был огромный успех для индустрии, насчитывавшей всего семь-восемь лет жизни. Успех тем более блестящий, что содержание золота в кварце (особенно после 1889 г.) было относительно невелико. В среднем (в начале 1895 г.) — от 16 до 45 г на 1 т породы.

Открытие золота изменило обстановку в Южной Африке. Стал быстрыми темпами расти импорт, преимущественно через порты Капской колонии и Наталя, а немного позднее и через португальский Мозамбик¹³. Большие средства стали вкладываться в строительство железных дорог¹⁴, в различного рода подсобные предприятия, в частности в каменноугольную промышленность. Когда говорят об африканском золоте, то обычно забывают об угле. А ведь расположившиеся рядом угольные залежи во много раз ускорили и облегчили развитие золотопромышленности¹⁵.

На пустынном месте, отдаленном сотнями километров от моря, возник город. Быстрота роста этого города превзошла американские и

¹² 1 унция = 28,3 г.

¹³ Ввезено через капские порты в 1885 г. на сумму 4772 тыс. ф. ст., а в 1890 г. — на 9346 тыс.; через порты Наталя — соответственно на 1518 тыс. и 4417 тыс. ф. ст.

¹⁴ Правительство Капской колонии вложило в строительство железных дорог в 1874 г. 1008 тыс. ф. ст., в 1879 г. — 7146 тыс., в 1884 г. — 12 407 тыс., в 1889 г. — 14 282 тыс. и в 1894 г. — 20 092 тыс. ф. ст.

¹⁵ В 1890 г. добыто угля 81 тыс. т, в 1899 г. — 387 тыс. т.

австралийские «города-грибы». Его назвали Иоганнесбургом, по имени бургского чиновника Иоганна Риссика [11, стр. 49].

«Самое удивительное в этом городе то, что он возник и развивался до конца 1892 года, не имея ни одного из современных способов сообщения. Все приходилось перевозить на быках из Наталя или Кимберли, где оканчивалась капская железная дорога и до которых не менее 500 километров» [3, стр. 210].

Путешественники, подъезжавшие в 1895 или 1896 г. к Иоганнесбургу, неизменно отмечали солидный, прочный характер зданий «золотого города»; благодаря отсутствию леса в окрестностях он быстро утратил характер чего-то временного. Среди кирпичных и каменных домов лишь изредка, на окраинах попадались уцелевшие домики из волнистой жести, в которых жили иоганнесбургские пионеры. А ведь за десять лет до этого здесь было возвышавшееся на 500 м над уровнем моря плато, обычно лишенное растительности и лишь в сезон дождей покрывавшееся травой, на которой паслись стада бургских фермеров, оберегаемые негритянскими пастухами. Зимой, т. е. с июня по ноябрь, ветер гнал тучи пыли по этой унылой равнине, оживляемой только камнями и огромными красными муравейниками.

В начале 1887 г. прибыли первые горняки. Вскоре число жителей города достигло 3 тыс. А в 1890 г. в 5230 домах Иоганнесбурга жило около 20 тыс. человек. Еще через десять лет число жителей стало приближаться к 120 тыс., из которых до половины было белых, а остальные негры-рабочие, индийцы, малайцы и др. [10]¹⁶. Но население Иоганнесбурга делилось не только по цвету кожи. Среди белых лишь меньшинство являлись коренными жителями Трансвааля — остальные прибыли в Южную Африку в погоне за золотом и не думали там надолго задерживаться. Среди этих, как их называли, уитлендеров были представители самых различных национальностей: англичане, немцы, американцы, русские, евреи, бельгийцы, итальянцы, голландцы. Преобладали английские подданные, главным образом не из метрополии, а из обширных британских владений. С 1894 по 1895 г. сильно увеличилось количество австралийцев — следствие мельбурнского кризиса, начавшегося в 1893 г. Австралийцы вместе с иммигрантами корнуэльских оловянных рудников являлись обычно надсмотрщиками за негритянскими рабочими. Многие променяли Кимберли, в особенности после того как закончилась консолидация алмазных копей и искусственно была ограничена добыча драгоценных камней, на Иоганнесбург. «Управляющие больших торговых домов, эксплуатирующих богатства Витватерсранда, служили сначала почти все на алмазных коях» [3, стр. 212].

Как мы уже упоминали, близость Кимберли привела к тому, что алмазные магнаты, обладавшие необходимыми капиталами, захватили главные участки золотодобывающего Ранда. Имена Родса и Барнато, Бейта и Экштейна, Робинсона и Вернера и многих других «людей Кимберли» стали именами крупнейших золотопромышленников Иоганнесбурга. Они сделали настоящими хозяевами «золотого города» и стремились стать хозяевами страны, в которой умножили свои капиталы. Они были тесно связаны с лондонскими и парижскими (в меньшей степени) банками и биржами.

Обстоятельства благоприятствовали применению в первую очередь крупных капиталов в африканской золотой промышленности. Золото Витватерсранда — кварцевое, требующее значительных усилий для добычи.

¹⁶ Приводятся данные от 1885 г., когда в Иоганнесбурге было 50 жителей, до 1931 г., когда их стало 377 203.

Кроме того, существенные особенности золотоносной породы Ранда состоят в правильности ее расположения и незначительном количестве содержащегося в ней металла. Таким образом, сразу же потребовались применение машин, значительные затраты на постоянный капитал, что исключало индивидуальную старательскую добычу. Уже в 1896 г. прииски Витватерсранда по сравнению с другими отличались наиболее усовершенствованными способами добычи и обработки золотоносной породы. «Нигде добывание золота не было поставлено на такую широкую ногу, и за девять лет своего существования южно-африканская золотопромышленность сильно подвинула металлургию» [3, стр. 245].

Сразу же после открытия золота были основаны десятки, а затем сотни акционерных компаний и начался бешеный ажиотаж вокруг «золотых» акций, принесших счастливые дни для биржевых спекулянтов. Правда, вскоре вслед за первым подъемом, первым бумом, в 1889 г., началась депрессия, продолжавшаяся в течение всего так называемого «кризиса Баринга» [14, стр. 291]. Эта депрессия не отразилась на добыче золота, а скорее на курсе акций да на снижении грюндерской волны. Сказалась боязнь истощения золотых запасов Ранда. У всех были в памяти примеры калифорнийских и ряда австралийских разработок. Обычно в местностях, где золото встречается в виде россыпей и богатых кварцевых жил, удобных для отдельных золотоискателей и мелких компаний, добыча золота достигала своего апогея вскоре после его открытия. В Калифорнии это было через пять лет, в Виктории — через два года. А через 10—12 лет добыча там уже упала на $\frac{1}{3}$ и в дальнейшем еще более снизилась. Вообще прииски недолговечны, и богатство золотоносного округа скорее поддерживается открытием новых жил, рассеянных в различных частях округа, чем продолжительностью разработки прежних.

Все эти вопросы на всякие лады дебатировались в связи с эксплуатацией приисков Ранда. Это способствовало осторожности. Хотя добыча золота в Витватерсранде не только не уменьшалась, но даже росла, спекуляция, основание новых компаний почти прекратились. В итоге число акционерных обществ несколько стабилизировалось. Их стало немногим более 400.

Но если пристальней взглянется в эти многочисленные акционерные общества, то их окажется не так уж много. Большинство этих компаний контролировалось более крупными, а те в свою очередь зависели от нескольких магнатов, захвативших в свои руки южноафриканскую золотую индустрию. Так, в 1895 г. 12 больших компаний фактически контролировали всю добычу Ранда, а из этих 12 можно было выделить еще меньшее число настоящих хозяев золотопромышленности. К этим, как их называли, «большим домам» относились компания, главой которой был Сесиль Родс, тесно с ней связанная компания Экштейна, где руководящую роль играли Вернер и Бейт, а также компании братьев Барнато, «Фаррар», братьев Окс, Неймана, Берней и Детгельбаха, Герц и Албу, Льюис и Маркс, Робинсона, Гендерсона и Вуллана. Вот имена настоящих «золотых королей» Южной Африки¹⁷.

В ноябре 1893 г. богатство жил Витватерсранда было оценено в 315 млн. ф. ст. [14, стр. 291], но вскоре и эту цифру пришлось увеличить, так как выяснился ряд благоприятных особенностей золотоносных плато Ранда. Оказалось, что чем дальше углубляется в землю золотоносный пласт, тем меньше становится угол, образуемый им с горизонтальной

¹⁷ Компания Родса объединяла 29 компаний, Экштейна — 33, Фаррара — 16, братьев Барнато — 26, остальные — от 4 до 16 компаний; иногда одни и те же компании фигурировали в активе различных «больших домов».

линией. Пласт как бы растягивается в длину, а не уходит вниз. Это позволяло лучше эксплуатировать жилы, извлекая из них большее количество золота. Правда, разработки уже надо было начинать на гораздо большей глубине.

Результатом этого понижения золотоносного пласта явилось то, что на различной глубине он часто выходил за пределы старого участка или даже за пределы территории компании. Следовательно, земли, расположенные в сторону наклона золотоносного пласта, т. е. к югу от старых разработок, приобретали особую ценность. Они обещали, хотя, возможно, и на значительной глубине, выгодную добычу золота. Американский инженер Джон Хейс Гаммонд, теснейшим образом связанный с самим Родсом и с его компаниями, одним из первых открыл особенности Ранда и сделал из этого соответствующие выводы. Так появилась идея глубокой разработки золотоносных пластов (*deep levees*), идея, в первые месяцы 1894 г. начавшая осуществляться.

Компании Родса, Экштейна втихомолку скупали участки земли, идущие к югу от главных рудников (в то время как большинство старалось приобрести участки, расположенные на восток и на запад). Основывались новые общества для извлечения золота, залегающего на большой глубине (так называемые компании глубокого залегания); закладывались шахты. Очень скоро практически была доказана правильность теории глубоких пластов. Правда, для извлечения золота из больших глубин требовались и большие затраты, которые не скоро окупались. В конце 1895 г. на основании уже не только теоретического, но и практического опыта подсчитывалось, что если золотой пласт находится на глубине 3 тыс. футов, то, прежде чем получить прибыль, нужно в течение четырех-шести лет затратить 650 тыс. ф. ст. Эти затраты окупались при 5% дивиденда в среднем за 16 лет, т. е. через 20—22 года (считая первые несколько лет, когда делались предварительные затраты [9, № 2723, стр. 1427]). Конечно, такие расходы были под силу только крупному капиталу. И в конце концов владельцами новых участков оказались те же лица, которые и прежде захватывали золотоносные участки Ранда. Например, во главе с Родсом возникла новая компания (*Goldfields Дээр*).

Первое время новые компании поглощали большие суммы и не приносили дивидендов. Посланный крупнейшими финансовыми домами (в частности, Ротшильдом) в Йоганнесбург в качестве эксперта Гамильтон Смит в течение более четырех месяцев (август — декабрь 1894 г.) знакомился с новыми разработками и дал о них благоприятный, но все же сдержанный отзыв [9, № 2687, стр. 255—256]. Все это, вместе взятое, — трудность работ, большие предварительные затраты, неопределенность будущих прибылей — приводило часто даже к падению курса акций компаний глубокого залегания, котировавшихся на лондонской и других биржах¹⁸.

Необходимо разделять два момента: добычу золота и биржевые спекуляции вокруг этой добычи. Первая, как мы видели, довольно ровно шла вверх, из года в год. Курсы же акций часто колебались в зависимости от различных финансовых махинаций.

Родс, Барнато, Бейт, Робинсон и другие захватили господствующее положение в золотой промышленности, закрепив его приобретением участков глубокого залегания. Как уже упоминалось, новые глубокие разработки в первое время требовали только затрат. Но биржевые спекуляции вокруг акций компаний глубокого залегания принесли «золо-

¹⁸ Например, в конце января и начале февраля 1895 г. курс акций упал с 23,5 до 20 [см.: 9, № 2685].

тым королям» гигантские барыши, с лихвой покрывавшие расходы по эксплуатации глубоких шахт. Бум вокруг золотых акций, вызванный афишированием успехов компаний глубокого залегания и достигший высшей точки в 1895 г., явился прямым следствием биржевых спекуляций и не был связан с добычей золота Ранда. Он обогатил крупных спекулянтов, разорил ряд мелких компаний и способствовал дальнейшему сосредоточению золотой индустрии Южной Африки в руках немногих. Бум закончился в тот момент, когда глубокие шахты стали приносить дивиденды. Это лишний раз доказывает, что главную роль в повышении курса африканских «золотых акций» сыграла не добыча драгоценного металла, а биржевые спекуляции вокруг этой добычи. Любопытно отметить, что даже во время катастрофического падения «кафрских» бумаг на бирже в Ранде добыча золота почти не уменьшилась.

Падение добычи до декабря 1895 г. было незначительным (в абсолютных цифрах она даже превышала добычу соответствующих месяцев 1894 г.) [9, № 2690, 2694, 2698, 2703, 2707, 2712, 2716, 2720, 2725, 2729, 2734, 2748]. Лишь в декабре падение добычи было более резким, а еще заметнее она упала в январе 1896 г. (до 148 178 унций). Но это было вызвано отнюдь не биржевой депрессией (которая, повторяем, только обогатила владельцев Ранда), а политическими причинами. В декабре 1895 г. в Йоганнесбурге готовилось вооруженное выступление уитлендеров, а в самом конце месяца в Трансвааль вторгается банда Джемсона. В итоге прииски в течение ряда дней в декабре и январе вовсе не работали и добыча пала.

Чтобы яснее стала обстановка, в которой назревали известные трансваальские события конца 1895 г., надо осветить вопросы, связанные с лондонской биржей вообще и спекуляциями «кафрскими» бумагами в частности. Нельзя не рассказать об одной из тех закулисных пружин, действие которых привело в конечном итоге к войне и аннексии бурских республик.

Еще до открытия кимберлийских алмазов в Лондоне возникали различные общества по эксплуатации золотых приисков в Южной Африке, но это были лишь первые робкие шаги. Перелом произошел в конце 80-х годов. Открытие Витватерсранда — вот что коренным образом изменило положение и явилось, в частности, толчком для биржевых спекуляций. К 1890 г., когда ряд трудностей, связанных с добычей золота в Ранде, был преодолен, интерес к южноафриканскому золоту возрос и вместе с этим выросло и значение созданного на лондонской бирже отделения трансваальских ценных бумаг.

Правда, все это пришло не сразу. Сначала были только отдельные выгодные сделки с бумагами первых золотых рудников. Давали себя чувствовать последствия большого финансового кризиса — краха Баринга (1890 г.). На два-три года были убиты всякие спекуляции. «Те, кто пострадал тогда, залечивал свои раны, но, как всегда бывает, когда накапливаются деньги и представляется новый случай для спекуляции, прошлые неудачи забываются, дорогостоящие уроки последнего бума не учитываются, и игра возобновляется, для того чтобы лишний раз привести к неминуемому результату» [15, стр. 159—160].

Итак, впечатления тяжкого кризиса 1890 г. постепенно сглаживались. К тому же добыча рудников Ранда непрерывно росла, показывая, что до истощения запасов — чего опасались — еще далеко. В 1895 г. добыча золота Ранда почти в четыре раза превысила 494 869 унций, добытых в 1890 г. Это был большой успех, и вполне естественно, что курсы

ценных бумаг, связанных с южноафриканской золотой промышленностью, пошли вверх. Особенно заметный подъем курсов начался, когда выяснилась возможность и выгодность добычи золота, находящегося на значительной глубине. Росли курсы всех бумаг, в том числе и тех, которые пока не давали дивидендов, а лишь сулили барыши в более или менее отдаленном будущем (компании глубокого залегания).

Конечно, это не был непрерывный, плавный взлет. Иногда он замедлялся, иногда падение курсов, казалось, предсказывало крах, но в целом, особенно с конца 1893 г., котировка всех бумаг «Kaffir Market» была на редкость благоприятной. А к 1894 г. начался так называемый кафрский бум, продолжавшийся почти год. «Старейшие члены биржи не запомнят такого движения акций, — писал „Экономист“, — которое могло бы сравниться с так называемым „Kaffir boom“, продолжавшимся почти без перерыва 12 месяцев» [9, № 2710, 2711, 2712]. Сделки с южноафриканскими бумагами оказались в центре всех операций лондонской биржи.

Кроме упоминавшейся выше добычи золота на больших глубинах, давшей толчок к подъему курсов акций, был еще ряд причин, поддерживавших спрос на южноафриканские бумаги. В частности, это были успехи возглавляемой Родсом Британской Южноафриканской привилегированной компании — захват ею земли машона и матабеле и те перспективы, какие, казалось, сулила добыча золота в этих областях. Возник повод для самых разнообразных спекуляций, для биржевой игры, которая была затеяна золотыми магнатами и различными связанными с ними банками.

К тому же, как справедливо замечает один из историков лондонской фондовой биржи, начавшийся в 1894 г. бум с трансваальскими бумагами в значительной степени был обязан своим размахом и результатами парижскому спросу. В 1895 г. считали, что французские капиталисты поглотят акций южноафриканских рудников более чем на 100 млн. ф. ст. [15, стр. 169]. Иностранные закупки, главным образом французские, явились решающим фактором при возникновении «кафрского» бума [9, № 2690, стр. 354, 364; № 2692, стр. 44]. Маклеры лондонской биржи, связанные с отделением южноафриканских бумаг, носились взад и вперед между Парижем и английской столицей. Каждый день приносил новое, порою значительное, повышение курсов.

Чрезвычайно быстро рос капитал акционерных обществ Ранда. Так, в 1893 г. он составлял менее 18 млн. ф. ст., спустя только год — достиг 55 млн., а в 1895 г. — приблизился к 300 млн. ф. ст. [15, стр. 169—170]. Акции этих обществ пользовались огромным успехом не только в Лондоне, но и в провинции и, как мы уже указывали, на континенте. Банкирские конторы в лондонском Сити не вмещали желающих купить бумаги. Банкирский дом Брокера удвоил персонал служащих и держал контору открытой день и ночь. Толпы людей, заполнявшие площадь перед биржей и улицу, были так велики, что полиция останавливала движение. Акции старых и новых компаний всячески рекламировались. В клубах, салонах, будуарах, омнибусах, поездах только и было разговору, что о золотых залежах. Все набросились на сулившее барыши предприятие, и каждый новый выпуск акций расхватывался с жадностью. Основывались общества по скупке старых шахт в надежде найти на глубине новые залежи. Биржевые спекулянты потеряли голову.

В различных, особенно современных источниках признают, что косвенной причиной этого азарта было наличие свободных капиталов в Англии. К этому времени сказались первые удары иностранной конкуренции, главным образом германской, что явилось одной из причин за-

медленного темпа развития британской промышленности. А это обстоятельство в соединении с золотым потоком, идущим из обширных колоний, и привело к наличию значительных свободных капиталов в Англии.

Мы знаем, что в биржевую игру, идущую вокруг южноафриканских золотых залежей, вмешались крупные спекулянты и учредители акционерных обществ. Последние деятельно играли на понижение. Искусственно уронив биржевую ценность своих акций, они по дешевке скупали их и делались таким образом полными хозяевами тех предприятий, которые начали с помощью акционеров. Из-за цифр, говорящих о курсе акций, из-за списков с названиями новых и старых компаний выглядывали знакомые имена: Барнато, Родс, Бейт, Вернер, Робинсон и др.

Акции основных компаний Витватерсранда, номинальный капитал которых равнялся 16 млн. ф. ст., шли за 86 млн. ф. ст. и ни разу (с марта 1894 г.) не падали ниже 60 млн. ф. ст. Возникали новые общества, многие из которых основывали курс своих акций лишь на громком имени и богатстве своих учредителей и на различных слухах (так называемые «Blind Pools»). Такова, например, основанная Барнато Consolidated Investment Company (капитал 650 тыс. ф. ст.), про которую рядовые акционеры знали лишь, что она через первые полгода принесла им 130 тыс. ф. ст. дивиденда (20%) и что 400 тыс. ф. ст. были перечислены в резервный фонд. По сведениям же лиц, знакомых с делами этой компании, она в первые полгода «заработала» не менее 1 млн. ф. ст. [9, № 2712, стр. 1075], т. е. 0,5 млн. ф. ст. застряли в карманах учредителей компании, в частности Барнато.

Барней Барнато к этому времени сделался одним из влиятельнейших финансистов Англии. «Наш Барней», вчерашний фигляр из Уайтчепеля, стал законодателем биржи и едва ли не самым почитаемым лицом в Лондоне. Великолепный дворец южноафриканского миллионера близ Грин Парка наполняли не только биржевые маклеры, но и представители лучших английских фамилий. Он сам стал желанным гостем в аристократических домах.

«Каждое слово Барнея ловилось, как мудрейшее изречение оракула. Ему прощали все: и грубую, циничную речь, пересыпанную ругательствами на самом низкопробном slang (жаргоне), и провалившийся нос, и то, что африканский миллионер при разговоре обдавал собеседника потоком вонючих слюней. Ведь это был царь биржи, обладатель сотен миллионов...» [2, 1897, № 8, стр. 61].

Но вскоре появились грозные признаки, предвещающие падение курсов и конец бума. Сигналом к понижению курсов явилось прекращение закупок на иностранных биржах, главным образом на парижской. Французские закупки открыли бум, возбудили огромные надежды. Прекращение же этих французских закупок ознаменовало и начало конца бума. Первое заметное падение было на второй неделе мая 1895 г., причем акции компаний глубокого залегания, выше всех подскочившие, ниже других и упали¹⁹. Но это еще была только заминка. Лишь к осени 1895 г. бум действительно достиг своей высшей точки. Почти год продолжался ажиотаж с трансваальскими бумагами. Своими размерами и длительностью бум был обязан, в частности, следующим обстоятельствам. Крупнейшие банкирские дома, которые владели большей частью акций, лишь медленно удовлетворяли спрос на них. Они, таким образом, не выпустили из своих рук контроля над рынком и договорились под-

¹⁹ См. таблицы, приведенные в [9, № 2699, стр. 645—646]. Из сопоставления цифр видно, что падение акций не означало падения добычи золота. Иными словами, оно было в значительной степени делом рук спекулянтов, игравших на понижение.

держивать курс все время, пока требования публики на акции не уменьшатся [15, стр. 170].

Руководители этих банкирских домов составили себе колоссальные состояния. Это понятно, если вспомнить, что продажная цена рудников за время бума возросла почти в 100 раз!

В середине сентября 1895 г. можно было сказать, что «высшая точка спекуляций с африканскими акциями достигнута» [9, № 2716, стр. 1204]. Вслед за этим началось неизбежное падение курсов, и, хотя многие бумаги остались на высоком уровне, падение было все же значительным. Так, за восемь дней октября (с 1-го по 9-е) стоимость акций 12 крупных компаний понизилась на 22 617 тыс. ф. ст., т. е. на 22% [9, 1895 г., № 2720, стр. 1333]. Правда, серьезные потери имели главным образом те, кто только в последнее время приобрел акции по высокой цене [9, 1895 г., № 2720, стр. 1333].

В течение октября 1895 г. понижение курсов африканских бумаг продолжалось. Искусственные меры, принятые некоторыми финансистами, несколько задержали падение тех бумаг, в которых они были заинтересованы [9, № 2721, 2722]. И все же, хотя курсы шли вниз, они были много выше котировок 1894 г. и продажная цена большинства африканских акций была в несколько раз выше номинальной. Например, акции родсовской консолидированной компании, выпущенные по 1 ф. ст. и котировавшиеся до бума по 7 ф. ст., дошли одно время до 20 ф. ст., а к концу октября продавались по 17 ф. ст. [9, № 2730]. Одна из ноябрьских суббот 1895 г. была днем наибольшего падения акций («черная суббота»), но и после этого курс южноафриканских бумаг продолжал держаться на довольно высоком уровне. Эта же ноябрьская суббота оказалась высшей точкой кризиса, после которой падение акций замедлилось и на бирже восстановилось спокойствие [9, № 2725, 2726, 2727].

Биржевые обозреватели могли уже, подводя итоги, писать, что «приближающийся к концу год будет памятен в анналах биржи как год сенсационного роста цен южноафриканских акций и почти такого же сенсационного падения» [9, № 2730]. Правда, эти итоги оказались несколько преждевременными. В самом конце декабря 1895 — январе 1896 г. произошло новое падение южноафриканских бумаг. Но оно было вызвано уже политическими причинами: посланием Кливленда, набегом Джемсона, телеграммой императора Вильгельма II трансваальскому президенту и обострением англо-германских противоречий.

Таким образом, еще теснее, чем ранее, экономическое влияние и цели английского капитала в Южной Африке переплелись с политическими притязаниями Великобритании. И за спиной южноафриканских «алмазных и золотых королей» все отчетливее вставала мрачная тень британского империализма, готовящегося силой оружия решить вопрос о своем преобладании в этой части земного шара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — Полное собрание сочинений, т. 27.
2. Дионео, Письма из Англии, — «Русское богатство», СПб.
3. Леруа - Боле П., Новые англо-саксонские общества СПб., 1898.
4. Стамбулов, Именем Джинго, — «Красная новь», М., 1940, № 5—7.
5. Шпенглер О., Закат Европы, т. 1. Образ и действительность, М.—Пг., 1923.
6. Брусе J., Impression of South Africa, London, 1899.
7. Colvin J., The Life of sir Leander Starr Jameson, vol. 1, London, 1922.

8. Corti E. C., La Maison Rothschild, t. II, L'Apogée (1830—1871), ch. Les Rothschild a la fin du XIX siècle et dans le premier quart du XX.
9. «Economist», London, 1895.
10. «The Financial Times. South Africa Supplement», London, 22.X.1933.
11. Fitzpatrick J. P., The Transvaal from Within, London, 1900.
12. Knowles L. C. M. and C. M., The economic Development of the British Empire, vol. 3. The Union of South Africa, London, 1936.
13. Krüger S. J. P., The memoirs of Paul Krüger... told by himself, London — Leipzig, 1902.
14. Lovell R., The Struggle for South Africa, 1875—1899. New York, 1934.
15. Meredith H. A., «Stock Exchange». Les drames de l'argent à la bourse de Londres, ch. VIII. Barney Barnato (1873—1897), Paris, 1932.
16. Mermeix, La Transvaal et la Chartered, Paris, 1897.
17. Mishell L., The Life and Times of C. J. Rhodes, vol. 1, London, 1910.
18. Vindex, Cecil Rhodes. His political Life and Speeches, 1881—1900, London, 1900.
19. Volkonsky, prince Grégoire, Pour les Boer contre Imperialism. Préface de Léon Tolstoi, Genève, 1900.